

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Акимов О.Ю. Творчество В.В. Розанова: взаимодействие публичного и приватного миров как реализованное понимание // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.73697 EDN: TBIXCS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73697

Творчество В.В. Розанова: взаимодействие публичного и приватного миров как реализованное понимание

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

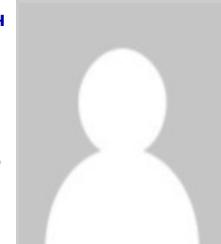
РАНХИГС КАЛИНИНГРАД

Акимов Олег Юрьевич

ORCID: 0000-0003-0941-7382

кандидат философских наук

ведущий научный сотрудник Западного филиала РАНХиГС при Президенте РФ
236016, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Артиллерийская, 62

✉ aktula1@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия религии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.3.73697

EDN:

TBIXCS

Дата направления статьи в редакцию:

15-03-2025

Дата публикации:

27-03-2025

Аннотация: Творчество В. В. Розанова рассматривается как смысловое единство, в котором интенция понимания сближает между собой стилистически и содержательно

различные миры трактата «О понимании» и поздних произведений мыслителя. Это сближение осуществляется на основе общекультурной оппозиции публичного и приватного, особенности которой реконструируются в соответствии с методологическими установками М.М. Бахтина. Мир В. В. Розанова изучается как диалогическое взаимодействие двух противоположных тенденций: тенденции экстерiorизации (приватное понимание становится частью публичного мира) и тенденции интериоризации (сюжеты, смысловые ходы и образы поздних произведений мыслителя интерпретируются в соответствии с имманентными характеристиками понимания, тем самым отражая приватный мир мыслителя). Специфика творчества В.В. Розанова заключается в том, что в нем реализован взаимный переход обеих тенденций как их взаимное становление, в котором ни одна из них не является преобладающей. В работе используется метод историко-философской реконструкции (рассмотрение особенностей трактата «О понимании» в контексте европейского рационализма) диахронический метод (изучение рецепции наследия Розанова в работах В.В. Бибихина, А.А. Грекалова) герменевтический метод (интерпретация творчества Розанова в контексте установок М.М. Бахтина). Научная новизна исследования заключается в том, что творчество В.В. Розанова рассматривается в диалогической парадигме, с одной стороны как спонтанный диалог раннего трактата мыслителя «О понимании» и поздних работ мыслителя, а с другой стороны, как трансвременной диалог миров В.В. Розанова и М.М. Бахтина, основаниями которого являются интуиции М.М. Бахтина, нашедшее отражение в его работе «К методологии гуманитарных наук» и образы поздних произведений Розанова, которые мыслитель, интерпретируя, связывал с мирами друзей и современников, тем самым положив начало их диалогической интерпретации. Специфика нашего подхода состоит в том, что наметившаяся в специальной литературе тенденция сближения миров Розанова и Бахтина конкретизируется не только посредством выявления сходства этих миров, но и как экспликация их различия. Это позволяет показать, что мир Розанова несмотря на новаторство используемых мыслителем приемов остается в рамках бинарных оппозиций, характерных для традиционной культуры.

Ключевые слова:

Мир, Понимание, Публичное, Приватное, Позиция, Взаимодействие, Жизнь, Видение, Вещи, Личность

Введение

Русская философия в отличие от европейской «живет символами и образами»[\[1, с.213\]](#). Творчество В.В. Розанова подтверждает «задумчивое внимание» философа [\[2, с.11\]](#) к различным вопросам окружающей его жизни. Для мыслителя характерно освещение «отвлеченных» понятий метафизики (душа, мораль,...и т.д.) в контексте частной жизни человека. «Взгляд» Розанова, как мы предполагаем, соответствует тенденции антропологизации Абсолюта, когда он рассматривается как человечески осмысленная и человечески прожитая предметность [\[3, с.369\]](#). Это порождает, как указывает А. А. Резниченко, множество трактовок творчества мыслителя [\[4, с.50\]](#). «Константой» этих трактовок является сближение понимания и знания, интерпретация понимания как «аналога» врожденного знания [\[5, с.118\]](#). Позиция Розанова, для которого «знание есть отражение бесконечного ряда явлений»[\[6, с.15\]](#) в отличие от понимания, стремящегося открыть скрытые цели, стоящие за явлениями, близка видению Канта. Он называл

«трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов»[\[7, с.121\]](#). Общим моментом видения Канта и раннего Розанова является постулирование отвлеченного характера знания, в котором Кант акцентирует рациональный, а Розанов иррациональный аспект.

Особенностью понимания Розанова является его субстанциальный характер, когда существование мира сводится к самораскрытию понимания, этими чертами оно сближается с понятием «духа» у Гегеля, для которого «всякая деятельность духа есть поэтому только постижение им самого себя...»[\[8, с.7\]](#). Связь работы Розанова « О понимании» с философией Гегеля отмечал А. Ф. Лосев «...Розанов пытался найти смысл жизни и дошел—своим умом — до того, чем прославился Гегель»[\[9, с.511\]](#). Остается не ясным, идет ли речь у Лосева о сближении конкретных аспектов понимания и философии духа, или только об общности принципа, в соответствии с которым отвлеченные проблемы постижения мира непосредственно связаны с «вещами». Однако факт такого сближения предполагает наличие у Гегеля и раннего Розанова общего рационального фундамента, а следовательно, схожих оснований для критики их учений.

П.П. Гайденко в работе «Прорыв к трансцендентному», характеризуя философию духа Гегеля, отмечает: «Парадоксальным образом в этом пантеистическом учении, где человеку отводится такая возвышенная роль в богочеловеческом всемирно-историческом процессе, не остается места для индивида как конечного единичного существа»[\[10, с.5\]](#). Исследователь считает, что развертывание духа у Гегеля подчиняется естественной необходимости, нивелируя индивида. Схожие черты в раннем трактате Розанова отмечает А. В. Золотарев «Розанов растворяет личность человека в природном начале»[\[11, с.112\]](#). С.В. Скородумов также сводит понимание к естественной необходимости[\[12, с.20\]](#). Линию спонтанного сближения Розанова и Гегеля продолжает О. А Глебов, для которого «обращение Розанова к проблемам понимания является попыткой найти и выявить новые основания единства мира как смыслового понятия и бытия как наличного»[\[13, с.89-90\]](#).

Мы предполагаем, что результатом поиска «баланса» между миром как понятием и бытием (жизнью) стала для Розанова иррационализация, начало которой было положено в первом трактате мыслителя.

Понимание акцентирует человеческий(индивидуальный) характер видения мира, подчеркивая, что основания этого видения «иррациональны»[\[6, с.66\]](#). Розанов превращает в поздних произведениях отвлеченные понятия в образы, что обусловливает связь между ранним и поздним творчеством мыслителя. Характер иррациональности связан с интуициями «О понимании», реализованными в поздних произведениях[\[14, с.80\]](#).

Особенности творчества Розанова обусловливают возможность его рассмотрения в диалоге с изоморфным ему миром М.М. Бахтина, в котором отношения мира и человека рассмотрены посредством оппозиции публичного и приватного[\[15, с.41\]](#). Общность мыслителей заключается в том, что они, исходя из рациональных предпосылок, обосновывают иррациональный характер отношений мира и человека, не сводимый к понятийной парадигме, чего мы касались в другой своей работе[\[16, с.114\]](#). Опыт подобного диалога дан Розановым в поздних произведениях, где он, связывал свое видение мира с размышлениями современников: Шперка, Рцы и Флоренского[\[17, с.349\]](#).

Мир понимания Розанова эксплицирует вопросы публичного характера (взаимодействие

науки, философии и религии, важное для общественной жизни), делая акцент на приватности личности: «То знание ценно, которое острой иголкой прочертило по душе»[\[17, с.206\]](#).

Целью нашей работы является рассмотрение творчества Розанова как понимания, реализованного через взаимодействие публичного и приватного начал, обусловливающее взаимосвязь раннего трактата «О понимании» и поздних произведений мыслителя: «Уединенного», «Мимолетного», «Опавших листьев» в контексте установок М.М. Бахтина.

Тема «Творчество В.В. Розанова: взаимодействие публичного и приватного миров как реализованное понимание» будет раскрыта через рассмотрение «диалога» мира понимания В.В. Розанова и романного мира М.М. Бахтина; оппозиции публичного и приватного в творчестве В.В. Розанова.

Диалог мира понимания В.В. Розанова и романного мира

М.М. Бахтина

Творчество В.В.Розанова предопределяется интенцией, детерминированной основной темой — феноменом понимания. Исследователь творчества Розанова В.В.Бибихин называл понимание «алфавитом» к творчеству мыслителя[\[18, с.259\]](#), который актуализирует даже не связанные с пониманием проблемы, рассмотренные в поздних работах мыслителя. Специфика понимания заключается в том, что оно имеет «результатом ряд истин формального значения»[\[6,с.8\]](#), предполагающих реализацию множества возможностей. Характерной чертой понимания А.А. Грекалов называет неопределенность[\[19, с.82\]](#), что означает реализацию в действительном мире любой из возможностей, предустановленных в понимании. Понимание метафункционально, оно не связано с действительной жизнью и проявляется в ней в определенные моменты[\[18, с. 259\]](#), что показывает возможность для понимания определять как реальные, так и ирреальные «стороны» действительного мира[\[6, с.65\]](#). Позиция Розанова сводится к тому, что «понимание» создает новые связи между вещами «дух ворвался в факты и счленил их в философию»[\[9, с.47\]](#), свидетельствуя о мире, который по Розанову «в вечном полинянии»[\[17, с.323-324\]](#). Розанов говорит о действительном мире, неопределенном рационально. Мир является для него упомянутым нам ранее «счленением фактов», новым их видением, имеющим ряд особенностей. Одна из них заключается в том, что созданный или спроектированный пониманием мир его поздних работ является миром человеческого опыта вне зависимости от того, проявляется ли он в действительной жизни. Отдельные мысли Розанова при общности интенции понимания, поэтому могут достаточно серьезно отличаться в разные периоды жизни «на предмет должно быть не менее тысячи точек зрения»[\[20, с.527\]](#).

Понимание мира Розановым как бы занимает срединное положение между миром материальной необходимости, имеющим принудительную силу для человека, и миром «мечты»[\[17, с.323\]](#). В этом смысле понимание, воссоздающее порядок фактов, совмещает между собой действительный мир и мир как проект, то есть мир, каким он должен быть. Розанов подчеркивает разницу «между тем, что есть и тем, что должно быть»[\[21, с.26\]](#). Мыслитель не только «устанавливает» эту разницу, но и полагает, что противоположность действительного мира и мира мечты не может быть снята человеческими усилиями, входя в порядок мира, который не подчиняется человеку[\[17,](#)

[c.316-317\]](#)

Другой особенностью спроектированного Розановым мира, сближающего в понимании науку и философию, теорию и действительную жизнь, является то, что этот мир связан с судьбой отдельного человека — носителя понимания. Об этом свидетельствует описание религии, которую мыслитель рассматривает как связь между творцом и творением, Богом и личностью [\[6, c.430\]](#). В основе описания лежит собственный опыт мыслителя, реализованная им по отношению к религии интенция понимания. Религия для Розанова не догма и не объективный феномен, она — часть его собственной жизни, его приватности. Мыслитель делает акцент на частном характере жизни человека, ее неподконтрольности гетерономным началам: религиозным, научным или иным.

Актуализация приватного характера религии, как мы считаем, сближает мир В.В. Розанова с миром М.М. Бахтина, соединившим между собой идеальное представление о жизни и действительную жизнь [\[15, c.11\]](#). Бахтин полагал, что авторы художественных произведений с помощью образов переосмысливают действительный мир вертикали (публичного) и мир горизонтали (приватного) [\[22, c.306\]](#). В данном случае мир вертикали это художественно преображеный действительный мир.

Мир понимания, открывшийся Розанову, представляет собой также действительный мир, увиденный особым образом, «схваченный в понимающим жесте» [\[2, c.21\]](#). Если в раннем трактате понимание оказывается связанным с высшими интересами человеческого духа (наукой, религией, бытием), то в поздних работах, как уже было отмечено, оно распространяется на частную жизнь человека. Реконструируя мир «О понимании», В.В. Бибихин отмечал, что у Розанова отвлеченные вопросы бытия были связаны с проблемами действительной жизни [\[18, c.259\]](#).

Общность исканий мыслителей заключается в центрированности на посюстороннем мире и его человеческом видении. Возможность такого «диалога» описана М.М. Бахтиным в работе «К методологии гуманитарных наук» [\[23, c.382\]](#). Общим моментом творчества Розанова и Бахтина также стало сближение мира философии и мира «литературы» (Бахтин отмечал близость своей концепции учениям М.Шелера, М. Бубера, А.Бергсона, расширяющим рамки «понятийной» философии [\[22, c.135\]](#)). Искания В.В. Розанова тоже можно интерпретировать как изложение на языке позитивистской философии смыслов, характерных для учений, относящихся к более позднему этапу развития философии, в частности для феноменологии [\[2, c.131\]](#). Это обусловливает возможность истолкования смысла позднего творчества В.В. Розанова как интуиции отношений публичного и приватного, позже появившихся в романном мире М.М. Бахтина, о чем речь пойдет далее.

Понимание, которому посвящен ранний трактат Розанова, приватно «есть отдельные люди и целые народы, его лишенные» [\[6, c.14\]](#). Понимание, «обладающее человеком» [\[6, c.25\]](#), реализуется во внутренней связи с личностью, ее отношением к миру. Розанов, описывая свою «задумчивость» [\[17, c.175\]](#) (понимание), подчеркивает особенности видения мира, которыми в обыденной жизни тяготится. Для мыслителя, таким образом, публичное значение понимания становится актуальным тогда, когда выражено его приватное значение. В отличие от Розанова у Бахтина взаимодействие приватного и публичного «схематизировано», то есть постепенное «ограничение» публичного ведет к активизации приватного [\[15, c.410\]](#).

Сближение миров мыслителей дает нам возможность рассмотреть мир понимания Розанова, определяющий его творчество, посредством понятий, введенных Бахтиным для описания романного мира: публичное и приватное; вертикаль и горизонталь; высокое и низкое; большое и маленькое; «встреча». Это позволит конкретизировать связь между ранним (основанным на отвлеченных понятиями «О понимании») и поздним (построенном как описание конкретных вещей) этапами творчества Розанова. Основанием для этого служит общность координат миров Розанова и Бахтина. Речь идет об упомянутом ранее разграничении публичного (мира официальной культуры, вертикали) и приватного (жизни частного человека, горизонтали). Взаимодействие этих миров обеспечивается через соотнесение публичного (общественно-го) и приватного (частного, неофициального) аспектов их бытия. Конкретной стороной отношений публичного и приватного является взаимодействие большего и маленького. У Бахтина маленькое ассоциируется с публичным миром вертикали, а большое с приватным миром горизонтали. В культуре нового времени, горизонталь превалирует над вертикалью, вызывая постепенную «приватизацию» публичного, которую мыслитель определяет термином «встреча»[\[22, с.237\]](#).

У Розанова маленькое, оставаясь приватным, вводится в публичное пространство «большого» мира. У него осуществляется диалогическое взаимодействие публичного (вертикали) и приватного (горизонтали) с акцентом на вертикаль, что будет освещаться далее. Предложенная Бахтиным схема не полностью описывает характер взаимодействия публичного и приватного в творчестве Розанова. Это связано, на наш взгляд, с тем, что понимание мыслителя «демонстрирует» наряду с рациональным иррациональный аспект мира, поэтому переход от приватного к публичному и в обратном направлении у Розанова нельзя подчинить рациональному началу. Исходя из этого, мы дополнili «схему» Бахтина понятиями: «самоумаление», «измельчение», «отклонение», рационализирующими образы позднего творчества мыслителя. Розанов в отличие от Бахтина описывает действительный мир, поэтому для сближения публичного и приватного в его творчестве характерен элемент непредсказуемости и иррациональности, что оставляет открытым «пространство» для исследования.

Оппозиция публичного и приватного

в творчестве В. В. Розанова

Творчество Розанова приватно и вместе с тем публично, так как охватывает понимание, не относящиеся к миру, но определяющее его. Мир приватного (религия, философия, литература) соотносится с публичным: печатью, техникой, вещами и др. Их сближение происходит через отношение феноменов (например, литература публична) как «выход» из приватного в публичное и наоборот[\[20, с.351\]](#).

Особенность творчества Розанова, как уже было отмечено, заключается в том, что публичные феномены, относящиеся в традиционной культуре к сфере высокого, становятся частью приватной жизни. Речь идет о переходе приватного понимания в публичный мир, возвращении к единству мира и человека[\[15, с.170\]](#). Понимание, будучи одновременно приватным и публичным, активизирует интенцию мыслителя[\[17, с.93\]](#). А. Ф. Лосев характеризовал Розанова как «знающего обо всем, ничем серьезно не интересующегося»[\[24, с.151\]](#). Можно предположить, что Розановым «владел» «понимающий жест»[\[2, с.13\]](#), которым он не управлял «сидя, чтобы написать одно, а напишешь совсем другое»[\[17, с.23\]](#). Сближая публичную и приватную сферы, Розанов не сводит это к конкретному порядку действий. Это приводит к усложнению позиции мыслителя, что

отличало ее от позиции Бахтина, у которого материальное(публичное) преобладает над духовной сферой [15, с.159].

Взаимодействие приватного и публичного Розанов показывает через образ «царя». В «Мимолетном» он пишет: «Царь мне дорог, император мне чужд» [20, с.520], указывая, что император это одновременно и приватность (закрытость, официальность), и публичность (его положение официально закреплено). Образ императора для мыслителя обезличен, в то время как образ царя, его приватность основывается на его публичном положении —отца народа. В образе царя, тем самым выражается родство с каждым человеком [21, с.227].

Приватность императора становится у Розанова негативным полюсом публичности, а публичность царя — позитивным полюсом приватности, активизирующей подлинное сближение между людьми [21, с.76]. Сближение публичного и приватного мыслитель осуществляет через взаимодействие большего и маленького. Он отдает предпочтение маленьким или старым вещам, утратившим ценность у окружающих [17, с.341]. Они занимают место в микрокосме, и тогда маленькое замещает большое, получая в своей приватности значение подлинного [17, с.286]. Речь идет о восстановлении связи приватного с «большим» общемировым космосом, то есть маленькое входит по Розанову в макрокосм [20, с.351]. Мыслитель признается, что любит маленькое [17, с. 95], не повышая его низкого положения, а делая его достоянием мира «...сделаем большого и назовем «царь», сделаем блоху и назовем демократ» [20, с.205-206]. Мыслитель приравнивает сохраняющее свою онтологическую самость маленькое к большому. Такую связь, установленную Розановым, Бахтин назвал «новой связью между вещами» [15, с.203]. Если для Бахтина это предполагает появление нового мира, то для Розанова маленькое остается маленьким, а большое большим.

Розанов указывает, что встреча приватного и публичного становится возможной благодаря самоумалению вещей, следующему «по кривым линиям», из которых состоит космос Розанова [21, с.81]. Индивидуальность мыслителя проявляется в том, что он, рисуя кривые линии своей жизни, сообщает читателю: «Через грех я познавал все в мире, через грех (раскаяние) прикасался ко всему в мире» [17, с.66]. Мыслитель отмечает, что «греху нет определения» [17, с.233]. Это свидетельствует о том, что мир со всеми «ошибками» прекрасен, и полное понимание его не доступно для людей [17, с. 230]. Розанов в «Мимолетном» поэтому указывает на необходимость самоумаления человека через грех, чтобы произошло «подстраивание» вещей под «кривые линии» созданного не по учебнику мира [21, с.81]. Неслучайно мыслитель, сравнивая «всю во лжи фиалочку» [21, с.23-24] и «правдивый кирпич», делает вывод о значимости лжи, считая ее защитой своей свободы. Через ложь происходит актуализация вины и греха, с помощью которых достигается самоумаление, что сближает миры публичного и приватного, большое и маленькое. Признание фактора лжи по Розанову определяет пластичность человеческих отношений [21, с.199].

Особенность текстов Розанова заключается в том, что его видение полифонично. Всемирно-исторический образ царя, упомянутый ранее, объединяет приватное и публичное, священное и мирское. Описание повседневных вещей в поздних работах Розанова определяет постепенный переход от большого к маленькому, объединяющий мир [20, с.351], что относится и к религиозной сфере «христианин стал скопой человек» [20,

[c.4701](#). «Частные» интересы заменили глобальную миссию спасения мира, на месте большего появляется маленькое; Христос поэтому оказывается у Розанова «маленьким» частным «лицом»[\[17, c.427\]](#).

Процесс измельчения мира описывает и Бахтин, рассматривая «сублимированный мир верха, где маленькое и большое меняются местами»[\[15, c.190\]](#). У Розанова это происходит как включение маленького в жизнь большего, поэтому он подчеркивает свое самоумаление «фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду»[\[17, c.33-34\]](#). Самоумаление большего и маленького сближает их во всеобщем родстве[\[21, c.68-69\]](#). Это можно интерпретировать как отказ маленького занимать положение большего, и отказ большего подавлять маленькое. Каждая вещь занимает в мире определенное место. Розанов оправдывает все существующее: язычество и христианство, философию и литературу, религию и повседневную жизнь[\[20,c.464\]](#). Все это в понимании Розанова входит в «экономию бытия» [\[2,c.10\]](#).

Розанов не предлагает для вещей альтернативы кроме их измельчения с позиций приватности; это видение частного человека, фиксирующее детали, отличия, красоту и т.д. и этим привлекающее внимание читателя[\[17, c.73\]](#). В этом контексте становится понятным высказывание Розанова, что «каждая моя строка есть священное писание»[\[17, c.61\]](#) и сравнение себя с пророком[\[17,c. 81\]](#). Розанов осознавал, что он смешон в роли пророка как и демократ смешон в роли царя[\[20, c.206\]](#).

В текстах Розанова появляется «пародийное» самоумаление вещей. В понимании Розанова, которое соединяет публичное и приватное (вертикаль и горизонталь), профанное и сакральное «пародийное» самоумаление показывает, что знакомый человеку мир неподлинен. Знание, подменяющее понимание, не отражает закономерностей, присущих миру. Мыслитель поэтому рассматривает мир в задумчивом «внимании», провоцирующем приватность[\[17, c.175\]](#). В «Уединенном» Розанов высмеивает себя «может быть я дурак, может быть плут»[\[17, c. 68\]](#), самоумалая себя, одновременно пишет «во мне было много дров»[\[21,c.13\]](#) (не реализованных идей; скорее всего эти темы оказываются вне понимающего жеста»[\[17, c.128\]](#)).

Мы предполагаем, что осознание Розановым собственной философской миссии актуализируется в контексте измельчения всего, из чего состоит мир. Он представляет Рачинского, Соловьева и себя мелкими, а Буслаева, Ключевского и Тихонравова — большими[\[17, c.67\]](#). Трансформация из большого в маленькое фиксируется мыслителем как тенденция. В произведениях Розанова выстраивается параллель самоумаления духовного (литератор в отличие от булочника)[\[17, c.33\]](#), физического (умаление собственной внешности) и морального (осознание собственного несовершенства и греховности)[\[17, c.325\]](#); при этом приватная сфера определяет жизнь и деятельность человека в публичном пространстве.

Для Розанова характерно рассмотрение серьезных проблем при обсуждении маленьких непопулярных вещей (сочетание того света и вентилятора в «Уединенном»[\[17, c.78-79\]](#). Комический эффект используется мыслителем для привлечения внимания читателя к серьезному моменту, касающемуся жизни и смерти. Позиция автора—шута принималась современниками серьезно. В понимающем жесте метафизика связана с личностью Розанова, с его эмоциями, преувеличениями, ошибками. Откровения автора, поэтому

являются выражением приватности, даже при рассматривании публичных феноменов, например, религии. У Розанова это раскрывается в том, что душа приватна [21, с.125], а тело — воплощение публичности [20, с.513-514]. Эта особенность позволила Розанову сблизить два мира: большой мир действительности и «маленький» мир обыденной жизни, то есть речь идет о действительной жизни, построенной как роман [9, с.350]. В тексты Розанова включены, поэтому фотографии, письма, что свидетельствует о материальной стороне мира [17, с.247]. Это связано с установкой Розанова на «самоумаление» вещей, в котором маленькое(приватное)актуа-лизируется как большое(публичное) «строй мелкое и ты построишь Небо» [20, с.351], Розанов относит к приватной сфере такие феномены как понимание Бог, философия [17, с.209].

Говоря о понимании, мы предполагаем, что оно у Розанова—интенция приватного характера, так как оно влияет на все происходящее в мире [6, с.8], а его переход к публичному является вынужденным. Приватное нуждается в публичном и наоборот (сочетание в Соловьеве тишины —приватности и вертящегося начала—публичности [21, с.223]) Розанов выходил в публичную сферу, занимаясь литературой и публицистикой в связи с внешними обстоятельствами и не любил публичных выступлений [17, с.66], а выходя из приватного пространства в публичное, Розанов сохранял дух приватного.

Особенность произведений Розанова заключалась в том, что одно то же высказывание оказывалось актуализацией как начала приватного, так и начала публичного [17, с.130-131]. Когда публичное или приватное начало становилось главенствующим, автор переводил центр внимания на его противоположность, что позволяло ему рассматривать предмет с разных точек зрения [20, с.527]. Видение Розанова, сохраняя направленность взаимодействия приватного и публичного, сопоставляет разные стороны одного предмета [17, с.29-30], что связано со сферой информации, способствуя ее интерпретации (взаимодействие философии и литературы, литературы и печати) [17, с. 84]. Сложность в том, что в процессе передачи информации при переходе из приватного в публичное возникает «потеря»; это связано с невыразимостью присутствия вещи [20, с.196]. Понимающий жест Розанова передает это присутствие, тогда как опубликование демонстрирует только определенные свойства вещи, что и обуславливает приватизацию публичного [20, с.227]. В результате религия становится частным делом, а философия литературой. Сближение приватного и публичного через переход из одного в другое и наоборот не происходит, когда одно из них превалирует над другим [20, с.195]. Неслучайно мыслитель противопоставляет вещи обиходного характера с настроением или мыслью: «Не язык наш—убеждения наши, а сапоги наши—убеждения наши, так и классифицируйте себя» [17, с.112]. Розанов пишет «зачем им мысли, когда они владеют словом» [20, с.327], отстаивая приватность и противопоставляя друг другу мысли и слова в качестве их публичного выражения.

Розановский понимающий жест создает образ, который возникает на контрасте отвлеченной идеи и материальной составляющей вещи (явления), что стало основанием для критики Розанова современниками (Бердяев и др.). Они обвиняли его в оправдании обывательской жизни. На это мыслитель отвечает своим творчеством, сближая приватное и публичное. Розанов соотносит книги Канта, Шопенгауэра, с баней [20, с.432-433], при этом баня и папироска, принадлежащие к приватной сфере преобладают над публичным [20, с.432-435]. Приватное и публичное у Розанова, таким образом,

самоумаляются, подводя читателей к возможности совместить Канта и папироску (Кант из носителя идеи становится автором, которого надо читать, чтобы считаться образованным). Во фрагменте о Канте у Розанова отсутствуют сами идеи Канта, а содержание сводится к названиям разделов «Критики чистого разума» [\[20, с.432-433\]](#).

Розановский макрокосм предопределен одновременным движением от публичного к приватному и от приватного к публичному, при этом число возможностей их взаимного перехода неограниченно [\[17, с.316-317\]](#), что можно сравнить с мировоззрением досократика Эмпидокла (единое и многое переходят друг друга через вражду и возвращаются друг в друга через любовь [\[25, с.133\]](#)). У Розанова приватное актуализируется через разные уровни публичного, а публичное эксплицирует разные степени приватности «Мне и одному хорошо и со всеми, я не одиночка и не общественник, но одному мне все- таки лучше, ибо один я с Богом» [\[17, с.47-48\]](#).

Жизнь Розанова есть «придуманная» встреча приватного «наша история есть наиболее позволяющая и наш быт есть наиболее позволяющий» [\[20, с.573\]](#), и публичного, «ибо без формы мир не стоит» [\[20, с.195-196\]](#); их встреча «мешает одному из начал превалировать над другим. Примером встречи публичного в приватное и приватного в публичного является русская жизнь «она грязна, слаба, но как то мила» [\[17, с.125\]](#).

Сближение публичного и приватного из-за его разнонаправленности имеет определенную степень отклонения, обусловливающего бинарные оппозиции в мире Розанова (большое—маленькое поэзия—быт, философия—литература, язычество—христианство, тело—душа, душа—техника и др). Для Розанова поэтому неприемлема определенность границ вещи, события, явления. Она обозначает, что нечто относительно данного предмета «упущено», представление о нем становится «шаблоном» [\[17, с.124\]](#).

В поздних произведениях Розанова встречаются определения «не знаю», «пугаюсь», «ужасаюсь» [\[17, с.107\]](#). Это свидетельствует о сложности перехода предмета из приватности в публичность, что компенсируется угадыванием Розанова, его понимающим жестом «...не думал, не соображал, меня просто поражало что-нибудь мысль или предмет» [\[17, с.153-154\]](#). Момент «проговаривания» у Розанова есть или ужас перед тайной мира, или игра в эту тайну, ведь мыслитель призывает видеть «не только вещи, но и тени вещей» [\[21, с.328\]](#).

Встреча публичного и приватного происходит как отклонение. Мыслитель поэтому рассматривает метафизические проблемы или как приватные и нуждающиеся в проговаривании, или как публичные, выраженные в схеме, шаблоне, которые предполагают новое рассмотрение в приватной сфере [\[17, с.29-30\]](#). Такие феномены как встреча, отклонение у Розанова обусловлены разными уровнями приватности и публичности, каждый из которых проходит через все другие [\[21, с.82-83\]](#).

У Розанова оппозиция публичного и приватного конкретизируется, как уже было упомянуто, через противоположности вертикали и горизонтали (высокого и низкого), большого и маленького, поэтому мыслитель, описывая конкретные вещи, предполагает наличие разных их форм. Противоположность большего и маленького, например, актуализирует апологию маленького — приватного, выражающуюся в любви и жалости Розанова к маленьким вещам [\[17, с.95\]](#).

Авторское видение мира предполагает совокупность встреч на разных уровнях жизни, носящих мистический характер; например, публичный царь, упомянутый ранее, который в отличие от императора дорог Розанову, «подчиняется» мужику, «пашущему на нем»[\[20, с.206\]](#). Высокое значение приватного встречается, таким образом у Розанова с низким значением публичного — работой[\[20, с.206\]](#). Царь, однако, остается царем, выражая публичность, а крестьянин — олицетворением приватности. Они продолжают жить каждый своей жизнью, но при переходе на более конкретный уровень приватности и публичности начинают взаимодействовать: крестьян зависит от царя (государства), то есть происходит отклонение, сближающее приватное и публичное[\[21, с.76.\]](#)

Автор отделяет друг от друга близкие вещи или явления, стирая границы между разными значениями приватного и публичного, большего и маленького. Авторские высказывания по разным проблемам выглядят нарушением контекста «не язык наш—убеждения наши, а сапоги наши убеждения наши»[\[17, с.112\]](#). В текстах Розанова происходит смещение публичного в приватную сферу, а приватного в сферу публичную. Образы Розанова, несмотря на буквальность, имеют отвлеченный характер, конкретизируясь через сопоставление с вещами и явлениями из приватного мира «...счетами долгов и уплат»[\[20, с.263\]](#). Движение от вертикали акцентирует горизонталь и наоборот, реализуя противоречия между сопоставляемыми явлениями (вещами), и одновременно, актуализируя их сочетаемость, «микширующую» отклонение.

В текстах Розанова прослеживается видение явлений, которое не сводится к характеристике вещей[\[17, с.316\]](#). В «Мимолетном» мыслитель поэту сравнивает действительность с полицейским, которого не интересует, что происходит на улице[\[20, с.302-303\]](#). Позиция Розанова заключается в смещении приватного и публичного по отношению друг к другу, что предполагает паритет вертикали и горизонтали — превалирование публичного над приватным и господство приватного над публичным. Мыслитель, как правило, описывает в «Уединенном» и «Мимолетном» явления, находящиеся на границе публичного и приватного, поэтому поздние произведения Розанова построены как ряд случайных сближений, которые трудно привести к единству. Это единство есть сближение публичного и приватного: небесного и земного, вертикали и горизонтали, высокого и низкого, большого и маленького. Тексты Розанова ассоциируют между собой материальное доступное небо и небо как символ верха: «...строй мелкое и ты простишь небо»[\[20, с.351\]](#). Их связь базируется на постулируемом Розановым параллелизме неба и земли[\[20, 571-572\]](#). У Розанова «небо», символизирующее публичное высокое (вертикаль), сближается с миром отдельного человека — приватное (горизонталь). У мыслителя нет конкретного образа отождествления неба с человеческим миром в связи с тем, что индивидуальных миров множество, скорее можно говорить о маршрутах сближения, о переходах от публичного к приватному «мой Бог особенный»[\[17, с.48\]](#)

Мыслитель ставит перед читателем непростую задачу: чтобы построить небо необходимо увидеть процесс строительства. Розанов связывает это с тем, что происходит не только сближение публичного и приватного, но и «обновление», устанавливающее связи, относящиеся как к публичному (вертикали), так и к приватному (горизонтали)[\[21, с.23-24\]](#), вызывающие их «отклонение». Розанов понимает это как случайность, путаницу, иррегулярность событий[\[20, с.458\]](#), провоцирующую неопределенность в мире, пустоту. Когда этого не происходит, мир становится чистой формой[\[20, с.195\]](#), при которой

невозможно выразить публичное через приватное и приватное через публичное. Восприятие человеком взаимодействия публичного (вертикали) и приватного (горизонтали) поэтому оказывается ограниченным [21, с.95,]. Степень ограниченности прямо пропорциональна отказу от «отклонения» — сближения публичного и приватного, что порождает по Розанову рационализацию мира. Она заключается в том, что существующие в мире явления, будучи поняты, «трансформируют» неопределенность мира в гармонию или пошлость [17, с.230].

Интерпретируя интуиции Розанова с помощью терминологии Бахтина, можно отметить, что пределом публичного (вертикалью) является для Розанова философия, религия и литература. «Литература» становится «местом» перехода к приватному [21, с.222]. Сфера приватного (горизонталь) выражена у Розанова как мелочи жизни, половой вопрос, а также как публичное в низком значении: печать как техника, редакторское дело, заработка [17, с.23-24]. Можно предположить, что иерархия публичного и приватного у мыслителя нестабильна, то есть публичные феномены раскрываются Розановым в приватном аспекте, а приватные в публичном. Творчество мыслителя, таким образом, можно рассматривать как встречу публичного и приватного [21, с.227,].

В макрокосме Розанова можно выделить несколько возможностей сближения публичного и приватного: (превалирование публичного над приватным или приватного над публичным; смещение публичного в сторону приватного и приватного в сторону публичного; отождествление публичного и приватного, представляющее собой момент актуализации понимания).

Защищаемая Розановым действительность оказывается вне интуитивно чувствуемой им границы между публичным (вертикалью) и приватным (горизонталью), так как такие феномены как религия и философия, соотносясь с этой границей, не определяют ее [21, с.95,]. Все зависит от «местонахождения» Розанова внутри публичной или приватной сферы [20, с.527], что показывает их условный характер. Опосредование условного характера происходящих с вещами трансформаций предопределяется безусловным характером отклонения, выражающим понимание действительности [17, с.216]. Для Розанова отклонение представляет собой отступление как от публичного, так и от приватного. Это обуславливает возможность осмыслиения феноменов, позволяя говорить о том, что мыслитель имеет дело с подлинной действительностью [17, с.169], что предопределяет сближение публичного и приватного, которое нельзя описать в рамках конкретной схемы. Во фрагменте о сапогах как высшей степени публичности, противоположных убеждениям [17, с.112], Розанов доводит это сближение до абсурда, когда точка абсолютной приватности связывается с точкой абсолютной публичности. Крайняя степень публичности (сапоги, кухня, приходно-расходная книжка) является по Розанову частью приватной жизни в публичном пространстве [17, с.127].

В действительной жизни по Розанову актуализируется отражение публичного и приватного друг в друге. Они, смещаясь, определяют мир, созданный не по учебникам, а по кривым линиям [21, с.81], актуализируя подлинный статус вещей и явлений, то есть мир понимания.

Заключение

Мир понимания В.В.Розанова, содержащий черты рационального знания внутренне инспирирован тенденцией иррационализации, близкой традиции русской религиозной

философии (В.В.Зеньковский неслучайно называл трактат «О понимании» «мистической интерпретацией рационализма»[\[26, с.444\]](#)).

Рассмотрение творчества В.В. Розанова в контексте разработанной М.М. Бахтиным оппозиции публичного и приватного продемонстрировало возможности реализации понимания как взаимодействия рационального и иррационального начал. Розанов, указывая на связь приватного понимания с публичным (историей, природой культурой), рассматривает ее со стороны приватного, которое вне единства с публичным, становится односторонним (частная жизнь); абсолютизация публичного начала, в свою очередь, приводит к превалированию «мертвой» формы (чиновничий произвол в государственной жизни).

Рассмотрев творчество В.В. Розанова как взаимодействие публичного и приватного миров, мы пришли к выводу о том, что «интенция» видения мыслителя остается приватной. Развертываясь, она открывает общее средствами особенного, акцентируя приватный характер понимания как свидетельство его подлинности. Понимание указывает на существующий порядок вещей, не являясь им, сближение понимания и действительной жизни, реализованное во взаимодействии публичного и приватного, становится для Розанова объектом интерпретации, домысливания, проектом.

Библиография

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
2. Бибихин В. В. Время читать Розанова. // Розанов В. В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1995. С. 9-25.
3. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. / Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.
4. Резниченко А. И. Что значит "понимать"? Часть первая. Василий Васильевич Розанов о понимании // Вестник РГГУ. Серия "Философия. Социология. Искусствоведение". 2023. № 1. С. 48-58. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-48-58 EDN: SCBHRA.
5. Семенюк А. П. Гносеологическая проблематика в трактате "О понимании" В. В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 118-121. EDN: SNYBCL.
6. Розанов В. В. О понимании. / Под ред. В. Г. Сукача. М.: Танаис, 1995. 808 с.
7. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с. EDN: SNDPHX.
8. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 470 с.
9. В. В. Розанов: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, comment. А. Я. Кожурина. СПб.: РХГА, 2021. 824 с.
10. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с. EDN: SCTYQZ.
11. Золотарев А. В. Тема зла в раннем творчестве Василия Розанова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 105-117. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-3-105-117 EDN: YLJCVF.
12. Скородумов С. В. Особенности религиозно-философских взглядов В. В. Розанова // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 3. С. 16-20.
13. Глебов О. А. Концепт понимания и его идеалистическая трактовка в теоретической философии В. В. Розанова // История философии. 2021. № 1. С. 87-98. DOI: 10.21146/2074-5869-2021-26-1-87-98 EDN: QPJKN.
14. Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Издательский дом "Миръ", 2008. 496 с. EDN: QWTKSJ.

15. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит, 1990. 543 с. EDN: VQMUNR.
16. Акимов О.Ю. «Самое Само» Василия Розанова // Философия и культура. 2023. № 9. С.106-127. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.9.44078 EDN: XVQNDK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44078
17. Розанов В. В. Уединённое. / Сост., вступ. статья, comment., библиогр. А. Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
18. Бибихин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 430 с. EDN: QOTCUX.
19. Грекалов А. А. Понимание и неопределенность (Опыт В. В. Розанова) // Философские исследования. 2016. Т. 5. № 1/2 (9/10). С. 80-106.
20. Розанов В. В. Собр. соч. Когда начальство ушло... / Сост. П. П. Апрышко и А. Н. Николюкин. М.: Республика, 2005. 671 с.
21. Розанов В. В. Собр. соч. Мимолётное / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 541 с.
22. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит, 1975. 504 с.
23. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с. EDN: V
24. В. В. Розанов: *Pro et contra*: личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Книга 2. / сост., вступ. ст. и примеч. Фатеев В. А. СПб.: РХГИ, 1995. 562 с.
25. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 960 с. EDN: SYYMHJ.
26. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена творчеству В.В. Розанова, замечательного русского мыслителя, писателя, стилиста, оставившего неповторимый след в истории русской философии и литературы. Нельзя сказать, чтобы обращение к творчеству Розанова само по себе было чем-то «актуальным» в расхожем значении этого слова. Скорее, наоборот, если принимать во внимание только количество публикаций и диссертаций о Розанове за последние тридцать пять лет, то можно было бы сделать вывод, что он является одним из самых «изученных» русских философов. Понятно, однако, что подобный вывод был бы принципиально ошибочным, поскольку уровень большинства публикаций остаётся невысоким. И если в первые годы знакомства широкой читательской аудитории с творчеством Розанова (начиная со сборника 1990 г.) это можно было бы объяснить недостаточной степенью изученности и самих текстов, и имевшейся на тот момент критической литературы, то оправдать продолжающееся появление многочисленных, но крайне слабых публикаций в последние годы просто невозможно. К счастью, рецензируемая статья не принадлежит к их числу. Автор находит интересную и, насколько можно судить, оригинальную точку зрения на наследие писателя – он соотносит темы «понимания» и «ценности частной жизни», который обычно рассматриваются порознь, потому что «О понимания» – ранняя работа, которую от «Уединённого» и последующих публикаций отделяет более двадцати лет. Хотелось бы,

однако, высказать одно критическое замечание; автор может либо принять его и внести исправления в текст, либо попытаться обосновать собственную точку зрения. Дело в том, что он непостижимым образом находит у Розанова «рационализм». Действительно, зависимость от рационалистической традиции можно обнаружить в «О понимании», но только не в поздних книгах, которые даже по форме своей радикально отличаются от жанров, популярных у рационалистов. Однако совсем неубедительны «основания», на которые при этом ссылается сам автор. Он говорит, например, о «человеческом видении», которое, будто бы, роднит Розанова с Кантом. Это недоразумение. Когда автор ссылается на немецкого философа, замечающего, что «мы познаем в вещах то, что вложено в них нами самими», он забывает добавить, что «мы» здесь у Канта – не индивидуальность, а «рассудок», одна из способностей, которая является универсальной для всего человеческого рода. У Розанова же и «понимание» раннего периода, и «я» поздних книг – именно образ неповторимой индивидуальности. Ещё хуже ссылка на Гегеля: «дух превращаясь в конечное, остается бесконечным, ибо снимает конечность в себе». Но какое отношение это имеет к Розанову? Никакой «абсолютизации человеческого видения» в этом положении заметить невозможно речь здесь идёт, напротив, о том, что индивид (конечное) становится проводником, «посредником» в развитии абсолютного духа. Это, скорее, Анти-Розанов. В качестве подтверждения автор ссылается на А.Ф. Лосева, однако, здесь, по-видимому, имеется техническая ошибка, текстов Лосева в указанном месте просто нет, и читатель не может понять, что же, в действительности, утверждал А.Ф. Лосев, у которого, кстати, можно найти самые разные оценки Розанова («половых дел мастер», «медуза на солнце» и т.п.). К сожалению, автор возвращается к этой явно неудачной для него теме и в заключении: «Мир понимания В.В.Розанова является духовным продолжением традиции европейского рационализма, связанной с именами И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля». А далее: «Вместе с тем в творчестве мыслителя прослеживается иная тенденция – иррационализации действительности». Последнее как раз верно, но только «совместить» эти противоположности нетривиальным образом невозможно, «вместе с тем» для этого явно недостаточно. Одним словом, автору следует вернуться к этому вопросу и каким-то образом отреагировать на высказанные замечания. Хотелось бы порекомендовать также автору пополнить библиографический список, он явно недостаточен с учётом уже состоявшихся публикаций. Однако общий весьма высокий уровень статьи позволяет рекомендовать её к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает философская проблема понимания в творчестве видного отечественного мыслителя В.В. Розанова. Имя этого философа, разумеется, нельзя считать полностью забытым, но его творчество находится на периферии современной философии, поэтому исследование творчества В.В. Розанова следует признать весьма актуальным. Понятен и интерес автора рецензируемой статьи к проблематике понимания мира В.В. Розановым: розановская концепция действительно весьма интересна, оригинальна и заслуживает изучения и дальнейшего развития. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной в процессе исследования методологии, но из контекста можно понять, что теоретико-методологической базой рецензируемого исследования выступила концепция М.М. Бахтина, а также методы критического концептуального анализа и философской аналитики. Вполне корректное

применение указанных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками новизны. Прежде всего, как говорилось выше, сам факт актуализации концепции понимания В.В. Розанова заслуживает внимания научного и философского сообщества. Кроме того, интересные результаты дал анализ творчества В.В. Розанова в контексте бахтинской оппозиции публичного и приватного, выявив специфику взаимодействия рационального и иррационального начал. Наконец, определённый интерес представляют выводы автора рецензируемой статьи о близости творчества В.В. Розанова к русской религиозной философии. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: её логика последовательна и воспроизводит основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится исследовательская проблема, обосновывается актуальность её решения, но полностью отсутствует теоретико-методологическая рефлексия; - «Диалог мира понимания В.В. Розанова и романного мира М.М. Бахтина», где анализируются диалоговые отношения между творчеством В.В. Розанова и М.М. Бахтина; - «Оппозиция публичного и приватного в творчестве В.В. Розанова», где собственно и применяется бахтинская оппозиция публичного и приватного в анализе наследия В.В. Розанова; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы будущих исследований. Стиль рецензируемой статьи философско-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, ненужная запятая и многоточие в выражении «душа, мораль,...и т.д.»; не всегда понятны также кавычки, в которые автор заключает вполне общеупотребимые понятия вроде «взгляд Розанова», «константой этих трактовок», «аналог врождённого знания»; и наоборот, отсутствие соответствующих кавычек и/или пояснений порождает двусмысленности некоторых выражениях автора, например: «Особенностью понимания Розанова является его [чей? Розанова? или КАТЕГОРИИ понимания У Розанова? – рец.] субстанциальный характер...»; или пропущенная точка в инициалах одного из авторов: «О. А Глебов»; и др.) и грамматических (например, раздельное написание «не» с прилагательным в предложении «Остается не ясным...»; или плохо согласованные предложения «Целью нашей работы является рассмотрение творчества Розанова как понимания, реализованного через взаимодействие публичного и приватного начал, обусловливающее взаимосвязь раннего трактата «О понимании» и поздних произведений мыслителя: «Уединенного», «Мимолетного», «Опавших листвьев» в контексте установок М.М. Бахтина»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной и философской терминологии. Библиография насчитывает 26 наименований и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в части анализа основных подходов к интерпретации творчества В.В. Розанова. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно большой концептуальный материал, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для философов, историков философии, культурологов, специалистов по русской философии, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Философия и культура». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.